

Флора. Странно. Для ню он брал натурщиц. ажется, я была его другом. А может быть и нет. Возможно, только натурщицей. Сейчас не важно. Он умер скоро после этого. (Пауза). Он не был со мной так мил, как Вы.

Дас. Картина у Вас?

Флора. Нет.

Дас. Где же? Флора. Нигде. Мужчина, за которого я собралась выйти замуж, сжег ее. [15, с. 24].

В этом отрывке, Флора - главная героиня рассказывает о своем портрете ню, который был написан ее другом или любовником, - она сама еще не разобралась. Но на этом выражении ее сексуальности строится целый сюжет: как она потеряла своего жениха - ревнивца, друга/любовника, который умер так рано. И как у нее завязывается новый роман с индийским художником, который к ней явно не равнодушен, а она, чтобы его «раззадорить» говорит на столь щепетильную тему. Это тоже можно назвать яркой характеристикой характера персонажа - она сексуальна и красива, и знает это, однако счастья ей это не принесло.

Таким образом, техника, при помощи которой, виртуозный мастер театральности, Том Стоппард заставляет читателя сомневаться в характере и натуре героя, называется приемом двойничества. Именно благодаря нему, все пьесы великого британского драматурга изобилуют хитросплетениями человеческих отношений.

Кроме того, одним из главных «механизмов» воздействия на читателя, которым пользуется Стоппард, является открытая, «нарочитая» сексуальность его персонажей, при помощи которой они себя реализуют и показывают особенности своего характера.

Источники и литература:

1. Cahiers de GRITEC. Cinematography and theatre in our life / Cahiers de GRITEC. Lyon, 1999.
2. Charles S. Raison et histoire : de la prémodernité à l'hypermodernité / Charles S., 2003. N 3.
3. Overland J. The theatrical tendencies and the role of the doubles in them / Overland J., 1998.
4. Stoiciu G. Comments on the notion of the double / Stoiciu G., Québec, 2006. P.1.
5. Thoret J. P. The Theatre. Etude freudienne / Thoret J. P., 1993.
6. Trott David. Computing in the Humanities and Social Sciences / Trott David., University of Toronto, 2002 – 2003.
7. Weisgerber J. Lausanne. Les masques fragiles / Weisgerber J. Lausanne, 1991. P. 131.
8. Аксенов В. Вольтерьянцы и вольтерьянки. Старинный роман / Аксенов М. : Русь, 2004. С. 44.
9. Аксенов К. «Ирония судьбы» века Просвещения : «обновленная литература» или «литература, демонстрирующая исчерпанность старого» / Аксенов К. М. : Русь, 2001. С. 1000 – 2000.
10. Баканурский А. Жизнь, игра, театральность / Баканурский А. М. : Восход, 2004.
11. Гашкова Е. М. От серьёза символов к символической серьёзности (театр и театральность в XX веке) / Гашкова Е. М. М. : Русь, 2000.
12. Дебор Г. Э. Общество спектакля / Дебор Г. Э. М. : Восход, 2000.
13. Колязин В. От мистерии к карнавалу. Театральность немецкой религиозной и площадной сцены раннего и позднего средневековья / Колязин В. М. : Восход, 2002.
14. Стоппард Т. «Отражение или Истинное» / Стоппард Т. М. : Эскурол, 1997. С. 2- 187.
15. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://lib.aldebaran.ru/author/stoppard_tom/

Василенко Н.А., Мележик К.А.

УДК 811.111'255.4'373:005

КЛАССИФИКАЦИЯ И СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

***Аннотация.** Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме исследования культурно-специфических реалий и углубления знаний о концептуальном поле межкультурной коммуникации, которая активно развивается в условиях расширения межкультурных контактов. В статье ставится задача рассмотреть содержание терминов межкультурная коммуникация и культурно-специфические реалии, опираясь на понятия интерлингвокультурного субстрата и функционального дуализма. На основе проведенного исследования автором предлагается выделить основные способы передачи культурно-специфической лексики.*

***Ключевые слова:** перевод, культурно-специфическая лексика, культуронимы, транскрибирование, инолингвокультурный субстрат.*

***Анотація.** Стаття присвячена актуальній на сьогоднішній день проблемі дослідження культурно-специфічних реалій і поглиблення знань про концептуальне поле міжкультурної комунікації, яка активно розвивається в умовах розширення міжкультурних контактів. У статті ставиться завдання розглянути вміст термінів міжкультурна комунікація і культурно-специфічні реалії, спираючись на поняття інтерлінгвокультурного субстрата і функціонального дуалізму. На основі проведеного дослідження автором пропонується виділити основні способи передачі культурно-специфічної лексики.*

***Ключові слова:** переклад, культурно-специфічна лексика, культуроніми, транскрибування, інолінгвокультурний субстрат.*

Summary. The article is devoted to a problem of research of cultural and specific realias which are actual today and increasing knowledge of a conceptual field of cross-cultural communication which actively develops in the expansion conditions of cross-cultural contacts. The task in the article is to consider the contents of terms cross-cultural communication and cultural-specific realias, relying on the concepts of an interlingvocultural substratum and functional dualism. On the basis of the conducted research it is offered to allocate by the author the main ways of translation of cultural and specific vocabulary on the material of sampling from publicistic and belles-lettres texts. Connection of culture and communication is considered in the article. The analysis researchers' views is provided that various functions of culture are connected with language functions. Characteristics of the cross-cultural language contacts are allocated and described in the article. They are carrying out in the conditions of bilingualism where very important role is played by cultural and specific realias of languages. Methods of translation of realias in summary are reduced generally to two: transcription (transliteration) and translation. On the basis of studying methods of translation cultural and specific vocabulary is established that prevailing way of translation of realias is transcription by means of which 60% of the selected examples are translated, and further follow: approximate translation, transliteration and tracing.

Keywords: translation, cultural and specific vocabulary, kulturonom, transcription, interlingvocultural substratum.

Глобализация мультикультурной земной цивилизации делает необходимым изучение элементов культуры, находящих отражение в языке любого народа. В современной науке налицо тенденция рассматривать культуру как знаковую систему, как процесс трансляции общения с помощью этих знаков, представляющих собой культурно-специфические реалии. В стремлении выйти на широкую аудиторию читателей и слушателей, лингвисты и культурологи все более активно обращаются к иноязычному описанию родной культуры [1, с. 51]. **Актуальность** исследования культурно-специфических реалий заключается в углублении знаний о концептуальном поле межкультурной коммуникации, которая активно развивается в условиях расширения межкультурных контактов.

По мнению некоторых учёных, можно говорить о своеобразном «языке культуры», который представляет собой совокупность всех знаковых способов вербальной и невербальной коммуникации, объективирующих культуру этноса и выявляющих ее этническую специфику [5, с. 268] средствами другого, в нашем случае, английского языка. **Целью** данной статьи является изучение способов передачи украинских и российских культурно-специфических реалий на английском языке и американских культурно-специфических реалий на русском языке на материале выборки из публицистических и литературно-художественных текстов. В этом исследовании мы опираемся на положения теории культурно-специфических реалий, разработанной в монографии В.В. Кабакчи «Типология текста иноязычного описания культуры и инолингвокультурный субстрат».

Указанная цель требует выполнения следующих **задач**:

- рассмотреть содержание терминов межкультурная коммуникация и культурно-специфические реалии, опираясь на понятия интерлингвокультурного субстрата и функционального дуализма;
- исходя из классификации культурно-специфической лексики, выделить основные способы и особенности ее передачи на английском языке – раскрыть содержание

Поскольку английский язык все более активно используется в межкультурной коммуникации, то объектом анализа в данной статье являются способы перевода культурно-специфической лексики на материале статей газеты «Kyiv Post», романа Т. Капоте “In Cold Blood” («Обыкновенное убийство»). Предметом исследования являются 57 лексических единиц содержащих фоновую информацию и полученных путем выборки из статей газеты «Kyiv Post», романа Т. Капоте “In Cold Blood” («Обыкновенное убийство»), статьи В.В. Кабакчи «Типология текста иноязычного описания культуры и инолингвокультурный субстрат».

Неудивительно, что выделяемые многими учёными разнообразные функции культуры, так или иначе, связаны с функциями языка. Так, И.В. Привалова выделяет такие функции культуры, как кумулятивная, рефлексивная, аккумулятивная, трансмиссионная, коммуникативная и другие [6, с. 31].

Выделение коммуникативных свойств культуры характерно также и для индексального подхода, осуществляемого в работах М. Сильверстейна, развивавшего идеи Ч. Пирса и Р. Якобсона. Согласно этому подходу, коммуникативная сила культуры проявляется не только в репрезентации действительности, но также в объединении индивидов, групп, ситуаций и предметов с другими индивидами, группами, ситуациями и предметами, с другими контекстами [8, с. 37].

Термин межкультурная коммуникация впервые появился в 1954 году в недрах американской научной школы антропологии культуры. Связь между культурой и коммуникацией, и возможность сравнения культур была доказана Э.Т. Холлом в книге «Язык молчания» (The Silent Language, 1959), исходя из общих для всех культур основ. Концепция Э. Холла о диалектическом единстве культуры и коммуникации, о культурной обусловленности коммуникативного поведения индивидуумов, принадлежащих к разным культурным группам, получила широкое признание как в США, так и за рубежом [4, 7].

Э. Холл предлагает следующее определение понятия «межкультурная коммуникация»: это общение людей, представляющих разные культуры. «Этим термином называется адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [9, с. 54].

Межкультурные языковые контакты осуществляются в условиях двуязычия (билингвизма), где очень важную роль играют культурно-специфические реалии языков, которые В.В. Кабакчи называет культуронимами [2, с. 167]. В.В. Кабакчи разделяет все культурно-специфические реалии на несколько групп: полионимы, идионимы и ксенонимы [3, с. 132].

Согласно определению В.В. Кабакчи, полионимы – это универсальные элементы земной цивилизации, встречающиеся во многих культурах. Полионимы могут быть различны (гетерогенны) по форме: river / река, teacher / учитель, library / библиотека, government / правительство [1, с. 53]. Floor / пол, shelves / полки, treasure / сокровище, management / управление [18, 2011]. Также, есть слова не только схожие (гомогенные) по значению, но и совпадающие, в той или иной степени, по форме. Это так называемые «интернационализмы»: geography / география, university / университет, army / армия, democracy / демократия [1, 53]. Coffee / кофе, poet / поэт, bestseller / бестселлер [20, 2012].

Идионимы – это специфические элементы данной («своей», внутренней) культуры на языке данной культуры. Так, cowboy, prairie, House of Commons, bridge, Burns, Eton, Harvard, Union Jack, Aussie, Yankies, mall, yellow ribbon – идионимы английского языка; казак, степь, Дума, царь, Большой Театр, пионер, тайга, тундра, чернозем – идионимы русского языка [1, с. 53].

Ксенонимы – это языковые единицы, используемые в данном языке для обозначения специфических элементов внешних культур. Ксенонимами в рамках английского языка могут являться такие слова как, например: Cossack, steppe, Duma, taiga, tundra, Okhrana, Hermitage, Kremlin, oblast', borsch, ruble, Yalta agreement, dacha, Sberbank, dnevnik, semester, kafedra, dotsent, kandidat nauk, doctor nauk, spravka, propiska [1, с. 53], Potocki Palace [20, 2012], czar, Stalin's Soviet Union, Hetman Polubotok, Russian Empire, Communist tyranny [11, 2011], Carpathian Mountains [12, 2012]. Ксенонимы в рамках русского языка: ковбой, прерия, палата общин, бридж, Аляска, Дарвин, Хабл, паркинг, референдум, колледж, эксклюзив, провайдер, тюнинг, апгрейдинг, портфолио, мерчендайзер, супервайзер [1, с. 53], академия, штамп, департамент, экзотика, деликатес, шеф, аутентичный, соус [16, 2012].

Автору, описывающему иноязычную культуру, приходится решать задачи подобные тем, что стоят перед переводчиками художественного текста, поскольку иноязычное описание культуры всегда сталкивается с необходимостью упоминания специфических элементов внешней культуры.

Приемы передачи реалий можно, обобщая, свести в основном к двум: транскрипции (транслитерации) и переводу. Транслитерация, по словарю О.С. Ахмановой, это – передача текста, написанного при помощи одной алфавитной системы, средствами другой алфавитной системы. [10, с. 479]. А.А. Реформатский противопоставлял понятия перевод и транскрибирование: перевод стремится «чужое» максимально сделать «своим», а транскрипция стремится сохранить «чужое» через средства «своего». Таким образом, «в плане практическом перевод и транскрипция должны рассматриваться как антиподы» [7, с. 312].

Другими словами, транскрипция реалии – это перенесение реалии из исходного языка в язык перевода графическими средствами переводимого языка с максимальным приближением к оригинальной фонетической форме.

Так, например, в предложении из произведения Т. Капоте “In Cold Blood” («Обыкновенное убийство»): They went on to attack a few more clothing emporiums – Sheperd & Foster's, Rothschild's, Shopper's Paradise [22, с. 117]. – Они пошли за покупками в несколько торговых центров – Шеферд и Фостес, Ротсчайлдз и Шопперз Пэрэдаиз [14, с. 229]. В данном предложении имеет место транскрибирование названий магазинов, которые можно рассматривать как идионимы.

В таком предложении, как: The second umbrella, blue and bearing the command “Tan with Coppertone” [22, с. 227]. – Второй зонтик, синий, а на нем реклама “Пользуйся кремом для загара” [15, с. 239]. В данном предложении описательный перевод слова «Coppertone», означающий на языке оригинала крем для загара.

Until they arrived at the Bob Sands establishment [22, с. 34]. – Пока не добрались до мастерской Боба Сэндса [13, 240]. В данном предложении при переводе была применена транскрипция названия мастерской.

Rolling from Reno to Las Vegas, from Bellingham, Washington, to Buhl, Idaho [22, с. 58]. – Из Рено он проехал в Лас-Вегас, из Беллингема, штат Вашингтон, в Бьюл, штат Айдахо [13, с. 244]. В данном предложении при переводе культуронима, выступающего в роли имени собственного была применена транскрипция.

Some seventy miles east of the Colorado border [22, с. 13]. – Расположенный примерно в 70-ти милях к востоку от границы Колорадо [13, с. 233]. При переводе географической реалии была применена транслитерация.

The bold and bloody impression of a Cat's Paw half sole [22, с. 100]. – Кровавым следом от подошвы, выпускаемой фирмой “Кошачья лапа” [14, с. 228]. В данном предложении название фирмы было калькировано.

Next stop, an Elko Camera Store [22, с. 117]. – Следующим объектом стал магазин фотопринадлежностей [14, с. 233]. В данном предложении использован гипонимический перевод. Недостаток такого перевода заключается в том, что сама реалия раскрыта не до конца, но это позволяет русскоговорящему человеку иметь представление, о чем говорится в предложении.

The African style Kaffa coffee house is located in a cozy corner of Kyiv's Independence Square [17, 2012]. – Кофейня Кафа, исполненная в африканском стиле, располагается в уютном местечке на площади Независимости в Киеве. Название кофейни было транскрибировано, а название географического объекта было переведено с помощью калькирования.

A bottle of Ukrainian red demi-sec Inkerman is Hr 89, while Italian red Ruffino Aziano Chianti Classico is Hr 250 [17, 2012]. – Бутылочка красного полусладкого вина Инкерман стоит 89 гривен, в то время как итальянское красное вино Руфино Азиано Чianti Классико – 250 гривен. В данном предложении название марки вина было транскрибировано.

A 100 milliliter glass of Italian Sicilia Rosso, goes for Hr 15 [17, 2012]. – Сто грамм итальянского вина Силиция Россо стоит 15 гривен. В данном предложении использовано несколько приемов перевода. Название марки вина было транскрибировано, два слова были переведены с помощью гипонимического перевода.

Cynical and clever, Gregory House became a heartthrob for many women here [19, 2012]. – Скептический и умный, Грегори Хаус стал кумиром многих женщин. В данном предложении псевдоним героя был переведен с помощью транскрибирования.

He is coming to Kyiv with his debut blues album called “Let Them Talk” [19, 2012]. – Он приедет в Киев со своим дебютным альбомом под названием «Пусть говорят». В данном предложении название альбома было переведено с помощью приближенного перевода.

Ukraine has ever seen, a mix of local and international performers, including Evanescence, White Lies, The Rasmus, Shifty’s Crazy Town, Joachim Garraud, Apollo 440, Brainstorm, DDT, Bumbox, Voply Vidopliasova and others [21, 2012]. – Украина еще не видела такого количества местных и зарубежных исполнителей, включая Эванесценс, Уайт Лайс, Расмус, Шифтиз Крэизи Таун, Иоаким Гаррауд, Аполло 440, Брэйншторм, ДДТ, Бумбокс, Вопли Видоплясова и других. В данном многокультурном предложении виден яркий пример способа перевода ксенонимов. Все культуронимы, означающие названия исполнителей и групп были транскрибированы.

Тем не менее, каждый раз возникает вопрос: транскрибировать или переводить? Такой выбор зависит от нескольких факторов: от характера текста, от значимости реалии в контексте переводимого текста и от читателя перевода.

Культуронимы являются очень своеобразной и, вместе с тем, довольно сложной, и неоднозначной категорией лексической системы любого языка. Это одна из важнейших групп безэквивалентной лексики, которые выступают как “носители” страноведческой информации.

Однако, не всегда частое употребление того или иного способа перевода культурно-специфических реалий означает его эффективность. Например, транскрипция с соблюдением всех правил, в большинстве случаев, передает лишь звуковую форму слова, не затрагивая его значения, а транслитерация передает лишь графическую форму слова.

Кроме того, не всегда есть возможность полного сохранения в переводе культурно-специфической единицы языка оригинала из-за различия в системах обоих языков. Для того чтобы как можно лучше понять содержащуюся в оригинальном тексте культурно-специфическую лексику, нужно обладать такими фоновыми знаниями, которыми располагают носители исходного языка, что предполагает хорошее знание истории, культуры, литературы, обычаев, современной жизни и прочих реалий народа, говорящего на исходном языке.

Как утверждает В.В. Кабакчи, в основе возможности использования языка в приложении к иноязычной культуре лежит функциональный дуализм [2, с. 165]. Функциональный дуализм языка обеспечивает значительную универсальность словарных единиц [1, с. 57].

В следующем примере из книги американского журналиста М. Дэвидоу выпущено всего лишь одно слово: It is early Sunday morning, and I am looking through my *** window at the street below [23, с. 7]. Это ключевой культуроним, без которого предложение «акультурно» может быть отнесено к любой из культур планеты. Лишь с появлением названия города предложение наполняется конкретным культурным содержанием. В данном случае пропущен ксеноним-русизм Moscow. Замена этого ксенонима идионимом London существенно изменила бы языковую картину, в частности превратила бы «the street below» в улицу с левосторонним движением. Перенос места действия из одной точки земного шара в другую (Madrid, Cairo, Beijing, Tel-Aviv) существенно меняет, например, наполнение семантики слова Sunday, которая тесно связана с религией города (ср.: с пятницей у мусульман или субботой, т. н. «шабатом», у иудеев). В зависимости от климата страны, может значительно меняться архитектура, в том числе и значение слова window. Таким образом, само название данной книги М. Дэвидоу (Moscow Diary), а также ксеноним-русизм Moscow осуществляют вторичную ориентацию текста, а слово Moscow выступает в качестве инолингвокультурного субстрата (ИЛКС) [1, с. 57].

В.В. Кабакчи считает, что в жанре художественных произведений имеют место свои особенности перевода культурно-специфических реалий. Так, например, В.В. Кабакчи указывает, что произведения В. Набокова дают богатую возможность рассмотреть влияние ИЛКС в художественном тексте. Элементы ИЛКС, вводимого в текст чисто в стилистических целях, можно обнаружить и в публицистических текстах, и в исторических романах, и просто в газетной статье [1, с. 63].

Чаще всего в тексте появляются чисто стилистические заимствования, не всегда умело используемые. Например:

The devushka of the Soviet railways brought us chai from the samovar that boils over a coalfire at the end of each carriage [24, с. 215].

So now to business. The vipivka has been procured. The zakuski have been laid out on the table. Three or four sobutyniki, drinking partners, stand at their marks - experienced, well-rested veterans of the bottle, ready to give of their best [27, с. 32].

Нередко в текст вводятся «локалоиды», интернационализмы в орфографии языка-субстрата. Подобные заимствования автоматически ассоциируются с соответствующими англоязычными словами и зачастую семантически транспарентны [1, с. 64]. Например:

One vikend in the life of a Russian girl [1, с. 64].

The country was flooded with western culture, turning Russians into “biznesmen” overnight [1, с. 64].

ИЛКС появляется в тексте, когда В. Набоков передает иноязычную речь персонажа, в частности, в романе *Invitation of a Small Fool*:

‘Yes, I see vizhu, vizhu, kampus kak kampus: The usual kind of thing’ [1, с. 64].

Gospodi! I thought I’d never be here in time [1, с. 64].

His hand flew to his right side. It was there, Slava Bogu (Thank God) [1, с. 64]!

В.В. Кабакчи утверждает, что большой интерес представляют современные путеводители по России [1, с. 62]. Путеводители принимают во внимание то, что многие туристы, вступая в непосредственный контакт с инокультурой, предпочитают полностью или, по крайней мере, частично знакомиться со страной пребывания самостоятельно. В результате, нигде, даже в самых строгих энциклопедиях, ИЛКС не проявляется столь отчетливо. При этом путеводитель по России отличается от путеводителя по Франции, в котором франкоязычные культуронимы просто транскрибируются в англоязычный текст (эксплицитный ИЛКС). Например:

Originally this vast area lying to the west of Place de la Concorde was swamp land. After its reclamation, le Nôtre in 1667 designed the wide avenue called Grand-Cours (it became Champs Élysées in 1709), reaching from the Tuileries as far as Place dell’Etoile, today called Place de Gaulle [25, с. 93].

В случае России наблюдается параллельное подключение ксенонимов-русизмов к англоязычным пояснениям. Например:

The next stop is Ploshchad Ostrovskogo (Ostrovskogo Square), dominated by the city’s oldest theater, the Dramaticheskyy Teatr im. Alexandra Pushkina (or Pushkinsky Teatr), or Pushkin Drama Theater. Before moving along Ostrovsky Square, step around to the back of the Pushkin Theater, where the ulitsa Zhdanovskaya Rossi – a street whose every proportion has been carefully detailed – begins [26, с. 181].

Выводы: Завершая наше обсуждение, еще раз подчеркнем, что культурно-специфическая лексика подразделяется на три группы: полионимы, идионимы и ксенонимы, а основные способы перевода культурно-специфических реалий – это транскрипция и перевод. На материале выборки из газеты «Kyiv Post» и текста романа Т. Капоте “In Cold Blood” («Обыкновенное убийство») проведен анализ способов перевода культурно-специфической лексики, из которого ясно, что преобладающим типом передачи слов-реалий является транскрипция, с помощью которой переведено 60 % отобранных примеров, а далее следуют: приближенный перевод, транслитерация и калькирование. В целом же, в основе возможности использования английского языка для передачи элементов иноязычной культуры лежит функциональный дуализм.

Дальнейшее изучение способов передачи украинских и русских культурно-специфических реалий на английском языке требует привлечения большого объема фактического материала.

Источники и литература:

1. Кабакчи В. В. Типология текста иноязычного описания культуры и инолингвокультурный субстрат. // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. – СПб : СПбГУЭФ, 2007. – 51-70 с.
2. Кабакчи В. В. Функциональный дуализм языка и языковая конвергенция (опыт моделирования языковой картины земной цивилизации) / Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация. Ч.2 Текст и перевод в когнитивном аспекте. Сб. статей к юбилею профессора Н. А. Кобриной. Отв. ред. Н. А. Абиева, Е. А. Беличенко. – СПб : Тригон, 2005. – 188 с.
3. Кабакчи В. В. Практика англоязычной межкультурной коммуникации, СПб : Союз, 2001. – 480 с.
4. Куликова Л. В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультур : Монография. – Красноярск : РИО КГПУ, 2004. – 196 с.
5. Пикунева Ю. Б. Культурный фон современной телевизионной рекламы // Известия Уральского государственного университета. – Екатеринбург, 2002. – № 24. – 268-276 с.
6. Привалова И. В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации). – М. : ИТДГК «Гнозис», 2005. – 472 с.
7. Реформатский А. А. Введение в языковедение. / А.А. Реформатский. – М. : Аспект Пресс, 1999. – 312 с.
8. Duranti A. Linguistic Anthropology. – Cambridge : Cambridge University Press, 1997. – 398 p.
9. Hall E. The Silent Language. N.Y., 1959. – 192 p.
10. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М. : Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
11. Апльбай С. Book Review : In ‘Bequest,’ Cossack treasures may tilt balance of power between Russia and Ukraine / С. Апльбай // Киевпост, 2011. – 11 марта
12. Горчинская Е. Book Review : Book promotes ancient craft of Carpathian / Е. Горчинская // Киевпост, 2012. – 31 мая
13. Капоте Т. Обыкновенное убийство // Иностранная литература. 1966. – №2. – с. 233 – 252.
14. Капоте Т. Обыкновенное убийство // Иностранная литература. 1966. – №3. – с. 227 – 247.
15. Капоте Т. Обыкновенное убийство // Иностранная литература. 1966. – №4. – с. 239 – 259.
16. Рафальский Д. Kyiv’s Chinese food: Is it the real thing? / Д. Рафальский // Киевпост, 2012. – 15 ноя.
17. Рафальский Д. L’Entrecote: Simple menu, easy dinner. / Д. Рафальский // Киевпост, 2012. – 22 авг.
18. Фарина О. Private book collectors try to preserve history / О. Фарина // Киевпост, 2012. – 3 ноя.
19. Фарина О. Hugh Laurie to play blues in Kyiv / О. Фарина // Киевпост, 2012. – 14 июня

20. Шевченко Д. Bibliophiles flock to Lviv's Potocki Palace / Д. Шевченко // Киевпост, 2012. – 20 сент.
21. Шевченко Д. Best City.UA rock festival in Dnipropetrovsk / Д. Шевченко // Киевпост, 2012. – 21 июня
22. Capote T. In Cold Blood. New York : The New American Library, Inc., 1977. – 384 p.
23. Davidow M. Moscow Diary. M. : Progress, 1980. – 230 p.
24. Guma, Alex de. A Soviet Journey. Moscow: Progress, 1978. – 232 p.
25. Magi G. All Paris. Casa Editrice Bonechi, 1997. – 128 p.
26. Moscow and St. Petersburg. Fodor's 5th ed. : NY, Toronto, London, Sydney, Auckland, 2002. – 320 p.
27. Nicolson J. The Other St Petersburg. – St Petersburg: КФ Всерей, 1994. – 103 p.

Герасимова Є.М., Перепечкіна С.Є.

УДК 811.112.3

НИЖНЕНЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК ГЕРМАНИИ: СТАТУС И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Аннотация. В связи с развитием новой северо-немецкой формы разговорной речи возникает необходимость идентификации и описания региональных и локальных особенностей языка в аспекте их территориальной, социальной и ситуативной обусловленности. Проведенное исследование с применением социолингвистических методов имело целью выяснить, как часто и какие именно лексические единицы нижненемецких диалектов используются и насколько они еще «узнаваемы».

Ключевые слова: нижненемецкие диалекты, статус, социолингвистическое исследование

Анотация. У зв'язку з розвитком у північній Німеччині нової форми розмовної мови виникає необхідність ідентифікації та опису регіональних та локальних особливостей мовлення в аспекті їх територіальної, соціальної і ситуативної зумовленості. Проведене дослідження з використанням соціолінгвістичних методів мало метою в'янути, як часто і які лексичні одиниці нижньонімецьких діалектів використовуються і наскільки вони ще можуть бути ідентифіковані мовцями.

Ключові слова: нижньонімецькі діалекти, статус, соціолінгвістичне дослідження.

Summary. This article examines the status and functional aspect of Low German used in Northern Germany. During the last three decades a new spoken language variety has become widespread in this area. It is regarded as a contact variety, specifically a type of standard German with the original Low German dialect substratum. The documentation, description and analysis of dialectal variation in Northern Germany in terms of regional, social and situational usage are the primary purpose of the SiN project (Sprachvariation in Norddeutschland). Documenting object language data along with the speakers' subjective opinions and reflexions on language norm will allow for compiling the first ever text corpus of Low German substandard dialect.

The purpose of our sociolinguistic research was to determine whether certain Low German lexical entities were still in use and whether their meaning could be correctly deciphered. This article is based on a study of 35 individuals aged 23-65 coming predominantly from Hamburg. During the survey, the respondents were presented with a number of common nouns, verbs and adjectives (25 for every part of speech) selected from dialect dictionaries (Plattmakers-Wörterbuch and Plattdeutsches Wörterbuch). The survey revealed that some of these words (tüdelig, baff, snaken, lüüt, Deern, Huus, Vadder, gackern etc) were indeed largely used by those surveyed. Some words did not seem familiar to any of them (lurig, blied, smööd, drook, schöveln, warrn, Herrgottskoh). In many cases the participants misidentified the meaning of Low German words, which they confused with similar-sounding or similarly spelled High German or English words: warrn (werden) was taken to mean warnen; hebben (haben) was interpreted as heben; natt (naß) as nett; Huut (Haut) as Hut; butt (grob) as aber (cf. English but); fuul (faul) as voll (cf. English full).

Low German in its pure form is rarely spoken today. It has been gradually supplanted by Missingsch, a contact variety of Low and High German that may warrant further research.

Keywords: Low German dialects, variety status, sociolinguistic research

Выбор объекта исследования обусловлен **актуальностью** темы в современной диалектологии и социолингвистике: в течение последних трех десятилетий на территории северной Германии наблюдается распространение новой формы разговорной речи, занимающей промежуточное положение между литературным языком и нижненемецкими диалектами. Данный процесс языкового изменения до сих пор еще мало изучен, поэтому при поддержке «Немецкого исследовательского общества» (Deutsche Forschungsgemeinschaft / DFG) в 2008 г. был создан специальный проект („Sprachvariation in Norddeutschland“ / SiN [1]), для работы в котором объединились языковеды шести немецких университетов – Франкфурта-на-Одере, Килья, Гамбурга, Мюнстера, Билефельда и Потсдама. Исследованию подлежит спектр языка повседневного общения, в итоге же необходимо представить точную картину сегодняшней языковой реальности в различных северо-немецких областях. Появление новых разговорных форм рассматривается учеными как результат языкового контакта, а именно, взаимодействия литературного языка и исконных нижненемецких диалектов. Предполагается идентифицировать и описать региональные и локальные особенности языка в аспекте их территориальной, социальной и ситуативной обусловленности. Документация объективного языкового материала и фактов субъективного восприятия (мнений, оценок, позиций, рефлексий на языковые формы) позволит **впервые** создать корпус данных нижненемецкого субстандарта.

Базовые диалекты севера Германии переживают сложную стадию своего существования – забвения и даже исчезновения вследствие того, что число их носителей уменьшается, прежде всего, по причинам прагматического характера – литературный язык и его разговорная форма используются в большинстве